

далъ онъ ему почувствовать, что власть, которою онъ официально уполномоченъ, можетъ простирается и на него. Разумѣется, это было доведено до свѣдѣнія Цесаревича, который остался очень недоволенъ. Пошли переговоры, Новосильцевъ былъ не прочь и отъ поединка, но дѣло обошлось миролюбиво, хотя, можетъ быть, и болѣе непріятнымъ образомъ для Новосильцева. Въ слѣдствіе посредничества со стороны Цесаревича, Новосильцевъ долженъ былъ сказать нѣсколько извинительныхъ словъ адъютанту въ томъ же домѣ и предъ тѣмъ же обществомъ, которое было свидѣтелемъ стычки. Такъ и случилось. Съ этой поры политическое и нравственное значеніе Новосильцева въ Варшавѣ было нѣсколько потрясено, и изъ независимаго положенія перешелъ онъ въ другое, которое подчинило независимость его постороннему вліянію. Спрашивали у Васеньки Апраксина, одного изъ зрителей этой примирительной сцены, какъ обошлось все дѣло. «Очень хорошо», отвѣчалъ онъ, «Байковъ (старшій и ближайшій къ Новосильцеву чиновникъ) ввелъ его въ комнату и сказалъ ему: «Fils de S-t Louis, montez au Ciel»^{*)}). Извѣстно, что эти слова были сказаны духовникомъ несчастнаго Людовика XVI, когда онъ всходилъ на эшафотъ. Замѣчательна удачная находчивость Апраксина въ подобныхъ случаяхъ. Онъ не зналъ исторіи, ничего никогда не читалъ, вѣроятно, какъ-то мелькомъ слышалъ про это изрѣченіе и тутъ же примѣнилъ его такъ мѣтко, остроумно и забавно. Кромѣ саморощеннаго дарованія на острые слова, Апраксинъ имѣетъ еще и другіе таланты. Никогда не учась музыкѣ, поетъ онъ прекрасно и разыгрываетъ на клавинодахъ лучшія мѣста изъ слышанныхъ имъ оперъ. Никогда не учась рисованью, онъ мастерски владѣетъ карандашомъ и пишетъ прекрасныя каррикатуры. У генерала Сипягина есть большой альбомъ, Апраксинымъ исписанный: тутъ, въ смѣшныхъ и мѣткихъ изображеніяхъ, проходитъ все Петербургское общество. Со

^{*)} Сынъ св. Людовика, взыди на Небо.

временемъ этотъ альбомъ можетъ сдѣлаться историческою достопамятностью.

*

Въ дневникѣ NN записано: «Мое дѣло не дѣйствіе, а впечатлительная оцутительность; меня хорошо бы держать какъ термометръ: онъ не можетъ ни нагрѣть, ни освѣжить покоя, но ничто скорѣе и вѣрнѣе его не почувствуетъ и не укажетъ настоящую температуру. Часто замѣчалъ я за собою при событіяхъ, что поражали меня иные признаки и свойства, которые ускользали отъ вниманія другихъ».

*

Многое можетъ въ прошлой исторіи нашей объясниться тѣмъ, что Русскій, т. е. Петръ Великій силился сдѣлать изъ насъ Нѣмцевъ, а Нѣмка, т. е. Екатерина Великая хотѣла сдѣлать насъ Русскими.

*

Я желалъ бы славы себѣ, но не для себя, а съ тѣмъ, чтобы озарить ея могилу отца и колыбель моего сына.

*

О Небо! За чѣмъ при склонностяхъ мирныхъ дало ты мнѣ и порывы мятежные? Тихое забвеніе, тихое убѣжище, тѣнь двухъ-трехъ деревьевъ, свѣтлый бѣгъ ручья, при васъ мысль моя отдыхаетъ. Вами, кажется, могла бы ограничиться вся алчность моихъ желаній; но страсти, оболъщенія свѣта, уносятъ меня далеко отъ васъ. Въ волненіи тоски безпредѣльной я вздыхаю по васъ: на вашемъ безмятежномъ лонѣ порываюсь на новыя движенія. Я въ всегдашней борьбѣ съ самимъ собою и не знаю, что окончательно одержитъ верхъ. У другихъ для этого тайнаго и глухаго волненія пробуждается вѣчно-бьющій источникъ поэзіи; но не каждому судьбою дается онъ въ удѣлъ. А, кажется, онъ одинъ можетъ утолить жажду души, равнодушной къ такъ называемымъ земнымъ благамъ, души, которая готова иссохнуть на почвѣ, гдѣ, по преданіямъ толпы, растетъ чело-вѣческое счастье и расцвѣтаютъ житейскія выгоды.

*

Магницкій зашелъ однажды къ Тургеневу (Александру) и засталъ у него барыню-просительницу, которая объясняла ему свое дѣло. Магницкій сѣлъ въ сторону и ожидалъ конца аудіенціи. Докладывая по дѣлу своему, на какое-то замѣчаніе Тургенева, барыня говоритъ: «Да помилуйте, ваше превосходительство, и въ Евангеліи сказано: на Бога надѣйся, а самъ не плошай». «Нѣтъ ужъ извините, вскочивъ со стула и подбѣжавъ къ барынѣ, съ живостью сказалъ ей Магницкій. Этого, милостивая государыня, въ Евангеліи нѣтъ». И опять возвратился на свое мѣсто.

Когда въ 1812 году Магницкій жилъ въ ссылкѣ, въ Вологдѣ, какой-то доморощенный Вологодскій поэтъ написалъ слѣдующіе стихи:

Сперанскій высоко взлетѣлъ,
Россію предать хотѣлъ:
За то сосланъ въ Сибирь
Копать имбирь.
Магницкій сидитъ,
Туда же глядитъ.

Стихи даютъ нѣкоторое понятіе объ общемъ расположеніи къ двумъ политическимъ ссыльнымъ. Слѣдующій случай еще сильнѣе можетъ служить тому признакомъ. Рассказывали, что Магницкій пошелъ въ лавку и, купивъ самоваръ, велѣлъ отнести его къ себѣ на квартиру, сказавъ свою фамилію. Услышавъ ее, купецъ выгналъ его изъ лавки и самовара не продалъ. Этотъ анекдотъ можетъ быть и выдуманъ, но онъ ходилъ по Вологдѣ и слѣдовательно имѣетъ свое значеніе.

*

Молодой князь Марцелинъ Любомирскій былъ очень хорошо принятъ въ лучшемъ Петербургскомъ обществѣ; но скоро своротилъ съ пути, растерялся, надѣлалъ долговъ и тайно скрылся. Во время расточительной жизни своей, онъ все указывалъ заимодавцамъ на мѣстечко *Дубно*, которое принадлежало отцу его и вскорѣ должно было поступить въ продажу и что тогда выплатить онъ всѣ свои долги. И при этомъ сказалъ: «Заимодавцы Любомирскаго могутъ

измѣнить извѣстную пословицу и говорить: славны *Дубны* за горами».

*

Нелединскій говоритъ, что при Дворѣ *сегодня* не есть послѣдствіе вчерашняго дня, и ненадежное указаніе на завтрашній. Каждый день при Дворѣ имѣетъ свою отдѣльную судьбу. Такъ на него и должно смотрѣть. Въ 1812 году Нел. оставилъ Москву за нѣсколько минутъ до вступленія Французовъ и такъ врасплохъ, что выѣхалъ въ своей извожничьей каретѣ, какъ разъѣзжалъ по городу. Въ Ярославлѣ представлялся онъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. На слова Нелединскаго, который, смотрѣлъ довольно мрачно на совершающіяся событія и на послѣдствія, которыми могутъ они отозваться въ Россіи, Великая Княгиня съ живостью возразила ему: «Но однако же братъ мой любимъ народомъ» — «Конечно, отвѣчалъ Нелединскій. Государь любимъ, но любовь поддерживается довѣріемъ, а довѣріе рождается отъ успѣховъ». Послѣ выхода Французовъ изъ Москвы и водворенія въ ней нѣкотораго порядка, онъ никакъ не могъ рѣшиться оставаться въ ней на житьѣ, какъ прежде. Онъ говорилъ, что въ глазахъ его непріятель опозорилъ Москву. Онъ продалъ свой большой домъ на Мясницкой и переселился на житье и на службу въ Петербургъ. Въ одной изъ залъ его дома была во всю длину стѣна уставлена большими зеркалами. Во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, онъ говорилъ, что понимаетъ, съ какимъ удовольствіемъ квартирующіе въ домѣ его Французы должны стрѣлять изъ пистолетовъ въ эту зеркальную стѣну.

*

Во дни процвѣтанія Библейскихъ обществъ, манифестовъ Шишкова и злоупотребленія часто совершенно не у мѣста текстовъ изъ Священнаго Писанія, Дмитріевъ говорилъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ наши свѣтскіе писатели просятся въ духовные, духовные стараются примѣнить языкъ свой къ свѣтскому». Къ нему ходилъ одинъ Московскій

священникъ, довольно образованный и до того свѣдущій во Французскомъ языкѣ, что когда проходилъ по церкви мимо барынь съ кадиломъ въ рукахъ, говорилъ имъ: «Pardon, mesdames». Онъ не любилъ митрополита Филарета и критиковалъ языкъ и слогъ проповѣдей его. Дмитріевъ никогда не былъ большимъ приверженцемъ Филарета, но въ этомъ случаѣ защищалъ его. «Да помилуйте, ваше высокопревосходительство», сказалъ ему однажды священникъ: «ну такимъ ли языкомъ писана ваша «Модная жена?»

*

Въ старой Москвѣ жила одинъ Левашовъ, очень образованный, пріятнаго обхожденія, славящійся актерскимъ искусствомъ своимъ на домашнихъ театрахъ, но по несчастью до нельзя пристрастный къ пиву. Говорятъ, что онъ передъ концемъ своимъ выпивалъ его по нѣскольکو десятковъ бутылокъ въ сутки. Дмитріевъ, который былъ съ нимъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ, рассказывалъ, что въ короткихъ ему домахъ онъ не стѣнялся, но все таки немного совѣстился частыхъ требованій любимаго своего напитка; а потому и выражалъ свои требованія разнообразными способами: то повелительнымъ голосомъ приказывалъ слугѣ подать ему стаканъ пива, то просилъ въ полголоса, то мелькомъ и какъ будто незамѣтно въ общемъ разговорѣ. Дмитріевъ примѣняетъ эти различныя интонаціи къ Василию Львовичу Пушкину, большому охотнику твердить и повторять свои стихи. «И онъ», замѣчаетъ Дмитріевъ, «то восторженно прочтетъ свое стихотвореніе, то нѣсколькими тонами понизитъ свое чтеніе, то ухватится за первый попавшійся предлогъ и прочтетъ стихи свои, какъ будто случайно».

*

Въ Москвѣ до 1812 г. не былъ еще извѣстенъ обычай разносить передъ ужиномъ въ чашкахъ бульонъ, который съ Французскаго слова называли *consommé*. На вечерѣ у Василия Львовича Пушкина, который любилъ всегда хвастаться нововведеніями, разносили гостямъ такой бульонъ,